

Валерий Брюсов

Гипербола и фантастика у Гоголя

Валерий Брюсов

Гипербола и фантастика у Гоголя

«Public Domain»

1909

Брюсов В. Я.

Гипербола и фантастика у Гоголя / В. Я. Брюсов — «Public Domain», 1909

ISBN 978-5-457-78272-3

«Чтение моего доклада на торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Москве 27 апреля вызвало, как известно, резкие протесты части слушателей. В те самые дни, когда целый ряд ораторов в целом ряде речей напоминал о том, как в свое время была освистана „Женитьба“, – свистки не показались мне достаточно веским аргументом. На другой день газеты, отнесшиеся ко мне (к моему удивлению) более снисходительно, чем большая публика, настаивали на том, что моя речь, хотя и была „оригинальной“, была неуместной в дни юбилея. Не могу согласиться и с таким мнением...»

ISBN 978-5-457-78272-3

© Брюсов В. Я., 1909
© Public Domain, 1909

Содержание

Предисловие к I изданию	5
Испепеленный	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валерий Брюсов

Гипербола и фантастика у Гоголя

Из доклада «Испепеленный», прочитанного на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г.

Предисловие к I изданию

Чтение моего доклада на торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Москве 27 апреля вызвало, как известно, резкие протесты части слушателей. В те самые дни, когда целый ряд ораторов в целом ряде речей напоминал о том, как в свое время была освистана «Женитьба», – свистки не показались мне достаточно веским аргументом. На другой день газеты, отнесшиеся ко мне (к моему удивлению) более снисходительно, чем большая публика, настаивали на том, что моя речь, хотя и была «оригинальной», была неуместной в дни юбилея. Не могу согласиться и с таким мнением. Полагаю, что истинное чествование великого поэта состоит именно в изучении его произведений и во всесторонней оценке его личности. Этому по мере сил я и способствовал в своем докладе и не видел надобности помнить прежде всего другого – завет Пушкина:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Впрочем, свою «истину» (насколько я прав в своей оценке Гоголя, судить, конечно, не мне) я ни в каком случае не могу признать «низкой». Утверждать, что Гоголь был фантаст, что, несмотря на все свои порывания к точному воспроизведению действительности, он всегда оставался мечтателем, что и в жизни он увлекался иллюзиями, – не значит унижать Гоголя. Опровергая школьное мнение, будто Гоголь был последовательный реалист, я не тень бросал на Гоголя, но только пытался осветить его образ с иной стороны.

Мысль, суждение, слово – должны быть свободны. Кажется, это довольно старое требование. От желания мешать говорить оратору свистом и стуком – недалек шаг до оправдания всякого рода цензур. Пусть каждый оценивает писателя согласно с доводами своего рассудка: требовать, чтобы все в своих оценках следовало раз выработанному шаблону, – значит остановить всякое движение научной мысли. Разумеется, я не пошел бы читать на юбилей Гоголя, если бы не ценил и не любил Гоголя как писателя. Тогда я выбрал бы другое время для того, чтобы высказать свои взгляды. Но не понимаю, почему я не должен был читать в дни юбилея, потому только, что смотрю на Гоголя несколько иначе, чем другие?

Бесспорно, моя речь не была сплошным панегириком, мне приходилось указывать и на слабые стороны Гоголя. Но разве возможна правдивая оценка человека и писателя, если закрывать глаза на его слабые стороны? Невольно вспоминаются бессмертные слова городничего: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?». Гоголь – великий писатель, но почему же благоговеть, хотя бы и на юбилей, перед каждой его строкой, перед каждым его шагом? Я по крайней мере не испытываю такой потребности «лежать то пред тем, то пред этим на брюхе». Думаю и убежден, что и о великих писателях должно говорить языком свободным, а не рабым.

Мне остается добавить, что, согласно с самым характером речи, произносимой устно, я мог дать только эскиз, только общий очерк своего понимания Гоголя. Вместо обстоятель-

ного доказательства своих положений я мог лишь иллюстрировать их отдельными примерами. Печатаю я свою речь безо всяких изменений, так, как я ее произносил; восстановлено только несколько незначительных мест и второстепенных цитат, опущенных в чтении исключительно вследствие того, что заседание 27 апреля затянулось дольше, нежели то ожидалось.

Май 1909

Испепеленный К характеристике Гоголя

I

Если бы мы пожелали определить основную черту души Гоголя, ту *faculte maitresse*¹, которая господствует и в его творчестве, и в его жизни, – мы должны были бы назвать стремление к преувеличению, к гиперболе. После критических работ В. Розанова и Д. Мережковского² невозможно более смотреть на Гоголя как на последовательного реалиста, в произведениях которого необыкновенно верно и точно отражена русская действительность его времени. Напротив того, Гоголь, хотя и порывался быть добросовестным бытописателем окружавшей его жизни, всегда в своем творчестве оставался мечтателем, фантастом и, в сущности, воплощал в своих произведениях только идеальный мир своих видений. Как фантастические повести Гоголя, так и его реалистические поэмы – равно создания мечтателя, уединенного в своем воображении, отделенного ото всего мира непреодолимой стеной своей грезы.

К каким бы страницам Гоголя ни обратились мы – славословит ли он родную Украину, высмеивает ли пошлость современной жизни, хочет ли ужаснуть, испугать пересказом страшных народных преданий или очаровать образом красоты, пытается ли учить, наставлять, пророчествовать, – везде видим мы крайнюю напряженность тона, преувеличения в образах, неправдоподобие изображаемых событий, исступленную неумеренность требований. Для Гоголя нет ничего среднего, обыкновенного, – он знает только безмерное и бесконечное. Если он рисует картину природы, то не может не утверждать, что перед нами что-то исключительное, божественное; если красавицу, – то непременно небывалую; если мужество, – то неслыханное, превосходящее все примеры; если чудовище, – то самое чудовищное из всех, рождавшихся в воображении человека; если ничтожество и пошлость, – то крайние, предельные, не имеющие себе подобных. Серенькая русская жизнь 30-х годов обратилась под пером Гоголя в такой апофеоз пошлости, равного которому не может представить миру ни одна эпоха всемирной истории.

У Эдгара По есть рассказ о том, как два матроса проникли в опустелый город, постигнутый чумой³. Там, войдя в один дом, увидели они чудовищное общество, пировавшее за столом. Особенность участников попойки состояла в том, что у каждого была до чрезмерности развита одна какая-нибудь часть лица. У одного был непомерной величины лоб, подымавшийся над головой, как корона; у другого – невероятно огромный рот, шедший от уха до уха и открывавшийся, как страшная пропасть; у третьего – несообразно длинный нос, толстый, дряблый, спадавший, как хобот, ниже подбородка; у четвертого – безобразно отвисшие щеки, лежавшие на его плечах, как бурдюки вина, – и т. д. Все герои Гоголя напоминают эти призраки, пригрезившиеся Эдгару По, – у всех у них чудовищно, несообразно развита одна часть души, одна черта психологии. Создания Гоголя – смелые и страшные карикатуры, которые, только подчиняясь гипнозу великого художника, мы в течение десятилетий принимали за отражение в зеркале русской действительности.

¹ Основное (господствующее) свойство (франц.).

² В. Розанов. Два этюда о Гоголе. Приложение к книге: Легенда о великом инквизиторе (1-е изд. СПб., 1893). Д. Мережковский. Гоголь и черт (1-е изд. М., 1906). (Прим. В. Брюсова.)

³ King Pest. (Прим. В. Брюсова.)

Вот перед нами уездный город, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Открывается занавес, и мы видим за столом у городничего обитателей этого города, его чиновников. Не ошиблись ли мы дверью и не попали ли, вместе с двумя пьяными матросами, в ужасный зал в зачумленном Лондоне Эдгара По? Не те же ли перед нами уродины, какие предстали глазам удивленных и испуганных матросов? Разве городничий Сквозник-Дмухановский, судья Ляпкин-Тяпкин, попечитель над богоугодными заведениями Земляника и все другие, с детства хорошо знакомые нам лица, не страдают тою же болезнью, как фантастические герои Эдгара По? Разве у одного из них не чудовищный лоб, у другого – не невероятный рот, у третьего – не невозможные щеки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.